

Шуай Чан вёл два класса: одиннадцатый «В» и одиннадцатый «Г». В первой половине дня у него стояли последние два урока в одиннадцатом «Г». Как только прозвенел звонок, ученики ринулись из класса в столовую обедать. Несколько прилежных ребят выстроились в очередь, чтобы задать ему вопросы. Шуай Чан терпеливо ответил на всё, поднял руку, взглянул на часы — уже половина первого.

Он собрал со стола методические материалы, уложил их в сумку и, выйдя из класса, сразу за поворотом увидел знакомый силуэт. Шуай Чан удивлённо приподнял бровь: Сюй Юй, ты почему здесь?

В это время большинство учеников уже успели пообедать и вернулись в общежитие. Шуай Чан предположил, что Сюй Юй ждёт его у дверей класса, потому что хочет о чём-то спросить — тот всегда был очень прилежным учеником.

Сюй Юй стоял перед ним, вытянувшись во фрунт, но голова его понуро свесилась. Сейчас он походил не на леопарда, а на приунывшую собаку.

— Учитель Нань, я забыл карту для оплаты обеда, — голос Сюй Юя прозвучал глухо. Шуай Чан не сразу разобрал слова, лишь спустя мгновение осознал смысл сказанного.

Он понимающе кивнул:

— Вот и хорошо, пойдём пообедаем вместе в учительской столовой.

А ведь он ещё удивлялся, почему Сюй Юй пришёл с вопросами, но без тетрадей и ручки.

Сюй Юй наконец поднял голову, закусил губу и слабо улыбнулся.

— Спасибо, учитель Нань, — голос его сразу стал лёгким и радостным.

Надо признать, в некоторых вещах Шуай Чан был довольно непонятлив. Даже если у Сюй Юя не было карты, полчаса вполне хватило бы, чтобы сбежать в общежитие и вернуться — это заняло бы меньше времени, чем ожидание учителя.

Духовный сгусток, видевший всё насквозь, промолчал. В любом случае, даже если бы он что-то сказал, Шуай Чан бы не понял.

Мальчик с тяжёлой судьбой в пору первой влюблённости встретил того, кто сам проявил к нему интерес и относился с добротой. Этот человек был красив и силен, в его сердце он стал чем-то вроде незыблемой горы... И когда эта гора перестала делать шаги навстречу, юноше оставалось лишь подавлять врождённую неуверенность и робость, пытаясь догнать её. Стоило горе хоть немного отстраниться, как он тут же готов был отступить, но гора не отстранялась — она оставалась такой же мягкой, как и прежде.

После обеда Шуай Чан расстался с Сюй Юем и направился в учебную часть, чтобы узнать, на

месте ли начальство. Для отгула учителю требовалось согласие заведующего.

Заведующего на месте не оказалось, зато был его заместитель.

— Заведующий Пэн, я хотел бы отпроситься сегодня после четырёх часов.

Заведующий Пэн обычно не чинил препятствий, он улыбнулся:

— Учитель Нань, можете сказать, по какому вопросу?

Шуай Чан немного смутился, в глазах промелькнула застенчивость:

— Мой супруг прилетает сегодня в четыре тридцать. У меня как раз нет уроков, хочу встретить его в аэропорту.

— Конечно, учитель Нань. Слышал от учителя Тун, что вы только зарегистрировали брак, а свадьбу ещё не играли. Как надумаете — обязательно сообщите мне, я должен увидеть, что за человек смог покорить такого молодого и талантливого учителя, как вы.

Шуай Чан ответил:

— Обязательно, непременно.

Про себя он подумал: «Если ты узнаешь, что это Му Чэнгуан, то очень удивишься». Он не знал, как обстояли дела в десятых-одиннадцатых классах, но в выпускном Му Чэнгуан постоянно попадал в неприятности и был завсегдатаем дисциплинарного комитета, а заведующий Пэн особенно недолголюбивал его.

Получив разрешение, Шуай Чан вернулся в кабинет математики и полчаса отдыхал, пока другие учителя постепенно возвращались с обеда.

— Кстати, учитель Нань, слышала, вы днём отпрашиваетесь в аэропорт встречать супруга? Раньше не знала, а оказывается, у вас с ним такие крепкие отношения.

Добродушная шутка учительницы вызвала смех в кабинете. Шуай Чан только сейчас вспомнил, что в этом кабинете работает жена заведующего Пэна. В школе, где у каждого есть свои связи, секретов быть не может.

Он не обиделся на подколы и улыбнулся:

— Да, он замечательный, и отношения у нас тоже очень хорошие.

Учителя, «накормленные» порцией романтики, притихли: «...» Разве учитель Нань не должен был смутиться? Почему при виде такого невозмутимого и спокойного учителя Наня у них так

защемило сердце? Наверное, просто объелись этой «романтикой».

Во время дневных уроков Шуай Чан часто поглядывал на часы. За пять минут до конца он закончил объяснять материал, дав ученикам минуту на усвоение, и, заметив, что многие уже приготовились завалить его вопросами, сказал:

— Ребята, после звонка мне нужно отлучиться по делам. Если есть вопросы, запишите их и приходите завтра в кабинет.

Как раз прозвенел звонок, и Шуай Чан, закончив фразу, подхватил свои бумаги и вышел. Он вернулся в кабинет, оставил там материалы, взял ключи и пошёл на парковку. Конечно, по пути он снова выслушал шуточки коллег.

Сегодня он надел обручальное кольцо, так что, вероятно, завтра вся школа будет знать о его браке. Впрочем, он и не собирался это скрывать.

Вечерние пробки ещё не начались, поэтому Шуай Чан доехал до аэропорта без задержек. В зале прилёта он был уже в четыре двадцать. В зале почти не было таких статных мужчин, как он, поэтому многие, глядя на выход, нет-нет да и бросали на него украдкой взгляды. Шуай Чан, разумеется, это чувствовал, но в прошлой жизни, будучи генеральным директором, он привык к восхищённым взглядам, поэтому вовсе не обращал на это внимания.

В четыре тридцать пять из выхода хлынул поток людей, и Шуай Чан сразу заметил Му Чэнгуана, одетого весьма броско. Му Чэнгуан был в тёмных очках, он тоже увидел Шуай Чана и, радостно сняв очки, замахал ему рукой.

Шуай Чан улыбнулся, подошёл и забрал у него серебристый чемодан:

— Устал? — всё-таки лететь с другого конца света больше десяти часов.

— Очень устал, учитель Нань, одолжи мне своё плечо, — Му Чэнгуан привстал на цыпочки, одной рукой обнял Шуай Чана за плечи и притворился, что у него совсем нет сил, всем телом привалившись к нему.

Шуай Чан подхватил его и погладил по золотистым волосам:

— Ладно, хватит дурачиться, пойдём в машину, отдохнёшь.

Му Чэнгуан, зная меру, сразу успокоился, снова надел очки и, обхватив Шуай Чана за руку, свободную от чемодана, громко воскликнул:

— Поехали!

В одно мгновение они поймали на себе взгляды со всех сторон, но сам он был этим только доволен:

— Учитель Нань, мы с тобой созданы друг для друга, как ни смотри, им всё равно не завидовать, — ну и уверенность в себе.

Му Чэнгуан действительно вымотался, как только сел в машину и пристегнулся, сразу уснул. Шуай Чан хотел было отвезти его куда-нибудь поесть, но, видя, как сладко тот спит, просто повёз его домой.

Поставив машину на парковку, Шуай Чан взял Му Чэнгуана на руки и подошёл к лифту. За чемоданом он вернётся позже.

В лифте Шуай Чан нажал кнопку восьмого этажа. Лифт сначала остановился на первом, и человек, ждавший там, увидев мужчину у него на руках, вытаращил глаза и не решился войти. Шуай Чан ответил ему доброй улыбкой и благополучно поднялся на восьмой этаж.

В их доме на этаже было всего две квартиры, и за год проживания они уже примерно знали, кто их соседи. Поэтому, когда перед лифтом он увидел двух мужчин, держащих за руки маленького мальчика, Шуай Чан не удивился, а привычно поздоровался:

— Идёте на прогулку?

Невысокий изящный мужчина кивнул и с любопытством посмотрел на того, кто был у него на руках:

— Чэнгуан уснул?

Шуай Чан кивнул:

— Только что вернулся из-за границы, как сел в машину, так и вырубился.

Семья соседей вошла в лифт, а Шуай Чан повернулся и приложил палец к сканеру отпечатков на замке. Дверь со щелчком отворилась.

Шуай Чан помог Му Чэнгуану снять верхнюю одежду, уложил его на кровать, а затем спустился вниз за чемоданом. Видя, что Му Чэнгуан спит крепко и просыпаться не собирается, он закрыл дверь спальни и ушёл в кабинет готовиться к урокам.

Через два часа дверь кабинета отворилась, и в неё заглянул Му Чэнгуан. В глазах читалась обида, а личико после сна стало белым с розовым румянцем:

— Учитель Нань, я так проголодался.

Шуай Чан отложил ручку и поднялся:

— Я тоже. Пойдём поедим где-нибудь.

Нань Юй не умел готовить. Хотя их семья была бедной, у него было восемь старших сестёр, поэтому ему нужно было только хорошо учиться, а всю работу по дому делали они. Му Чэнгуан, избалованный с детства богатый наследник, конечно, тоже ничего не умел.

Им было лень ехать куда-то далеко, поэтому они, держась за руки, зашли в первую попавшуюся закусочную у дома и наскоро перекусили. Когда они возвращались, уже совсем стемнело, зажглись огни.

— Учитель Нань, — Му Чэнгуан сжал его руку, кончиками пальцев потирая обручальное кольцо, от чего по коже пробежала приятная дрожь.

Шуай Чан перехватил его руку своей большой ладонью, не давая шалить:

— Что такое?

— Ты сегодня такой нежный, — во время еды он даже подкладывал ему лучшие кусочки. Му Чэнгуан чувствовал себя польщённым.

Раньше это он в одностороннем порядке выражал свои чувства Нань Юю, а тот никогда не отказывал, но если его долго донимали вопросами, иногда холодно отвечал, что любит его — и тогда Му Чэнгуан был счастлив.

Сегодняшний Нань Юй будто стал другим человеком. Он заметил, что тот носил кольцо даже в аэропорту, а значит, носил его и в школе, чего раньше никогда не было. Когда он спал в машине, а проснувшись, обнаружил себя в спальне, то, поняв, что это Нань Юй принёс его на руках, не удержался и побежал в кабинет искать его...

Шуай Чан потрепал его по золотистым волосам:

— Разве быть нежным плохо?

Му Чэнгуан склонил голову и прислонился к плечу Нань Юя:

— Хорошо, очень хорошо. Хотел бы я, чтобы ты всегда был таким нежным.

У Шуай Чана дрогнули пальцы. Когда Му Чэнгуан сказал это, он был так похож на Фань Лоцзя — такой же чувствительный, беспомощный и осторожный. Но Му Чэнгуан — не Фань Лоцзя. Фань Лоцзя постарел в другом пространстве, он своими глазами видел, как тот ушёл...

Шуай Чан закрыл глаза и медленно выдохнул. Когда он открыл их снова, взгляд был спокойным и безмятежным, в нём не осталось ни капли боли.

— Не волнуйся, — сказал он Му Чэнгуану, — отныне я всегда буду хорошо к тебе относиться.

Это его задача, это смысл его существования.

Сейчас Му Чэнгуан работал в филиале Корпорации Му. Старший и средний братья Му Чэнгуана после окончания учёбы тоже два года набирались опыта в филиалах, а затем переводились в головной офис, начиная с позиций начальников отделов. Сейчас старший брат уже стал исполнительным директором корпорации, а средний — финансовым менеджером.

Му Чэнгуан был младшим: старший брат, Му Сун Тао, был старше его на десять лет, а второй брат, Му Байчунь, — на восемь. Му Чэнгуан часто говорил Нань Юю, что очень боится своих братьев. Нань Юй не понимал: Му Чэнгуан не боится даже своего отца, председателя совета директоров корпорации Му, Му Фэна, так почему же он боится братьев?

Раньше Нань Юй спрашивал об этом, но Му Чэнгуан лишь качал головой с каменным лицом, ничего не отвечая, а спустя время снова становился прежним, бесстрашным сорванцом.

В отличие от начальной и средней школы, у учителей старших классов был только один выходной, поэтому Шуай Чан отдыхал по воскресеньям.

На второй день после возвращения Му Чэнгуана из-за границы он сказал Нань Юю, что хочет познакомить его со своими друзьями. Он выбрал воскресенье, и Шуай Чан, имея свободное время, согласился.

Они состояли в браке меньше года, и Му Чэнгуан впервые сам предложил познакомить Нань Юя с друзьями. Раньше Нань Юй уже предлагал это, но Му Чэнгуан просил подождать — на самом деле он просто ещё не рассказал друзьям, что женат. Перед отъездом Му Чэнгуана за границу они даже сильно поссорились из-за этого.

Находясь в стране А, Му Чэнгуан рассказал друзьям о своём положении, а вернувшись, увидел, что Нань Юй стал необычайно нежным, и решил, что тот ведёт себя так только ради встречи с его друзьями. Видя, как отлично Нань Юй проявлял себя в последние дни, Му Чэнгуан сам организовал эту встречу.

Будучи геем, Му Чэнгуан очень заботился о внешности. После свадьбы он оформил им обоим несколько абонементов в салоны красоты и постоянно тянул Нань Юя с собой. Му Чэнгуан был большим эстетом, иначе он бы не запал на Нань Юя, который был намного старше его. Внешность Нань Юя действительно была безупречной.

В воскресенье Му Чэнгуан рано встал и потащил Нань Юя завтракать. Шуай Чан относился к таким мелким прихотям снисходительно, переоделся в повседневную одежду и спокойно вышел из дома. Они вышли раньше офисных работников, но позже бабушек и дедушек, выгуливающих собак, поэтому во дворе было пусто.

Му Чэнгуан и Нань Юй шли, переплетя пальцы. Один — живой и энергичный, другой — спокойный и рассудительный, вместе они смотрелись на удивление гармонично.

Позавтракав пельменями у ворот жилого комплекса, Му Чэнгуан велел Нань Юю идти на парковку за машиной. Шуай Чан взял салфетку, чтобы стереть пятнышко масла с уголка его губ:

— Я не взял ключи от машины.

— А у меня с собой, — Му Чэнгуан вытащил из кармана связку ключей.

Оплатив счёт, они вышли из закусочной, и Шуай Чан надел на Му Чэнгуана тёмные очки:

— Куда едем? Встреча ведь назначена на вечер?

Му Чэнгуан всё ещё смаковал мгновение, когда Нань Юй вытер ему губы, и не расслышал вопроса. Шуай Чан подождал немного, но, видя, что Му Чэнгуан смотрит в пустоту с глуповатой улыбкой, остановился и ущипнул его за щёку:

— Маленький дурачок, о чём мечтаешь?

— Хи-хи, ни о чём, — Му Чэнгуан прикрыл щёку и заулыбался.

Шуай Чан вздохнул. Сейчас он относился к Му Чэнгуану как к собственному сыну. Такой наивный и глуповатый, неудивительно, что он повёлся на подонка.

В машине Му Чэнгуан наконец очнулся от грёз. Шуай Чан спросил снова, и Му Чэнгуан вытащил две карты салона красоты:

— Поедем в Оливер, вечером на встрече мы должны выглядеть сногшибательно.

В душе Шуай Чан был категорически против таких вещей. Он всё ещё хранил гордость «натурала», хотя в другом пространстве уже давно «согнулся» дальше некуда. Но в этом мире не было Фань Лоцзя, он больше не собирался влюбляться в мужчин, поэтому твёрдо верил, что по-прежнему натурал.

Однако одна фраза Му Чэнгуана развеяла его сомнения:

— Учитель Нань, я знаю, что ты не любишь салоны, но в Оливере есть парикмахерская, твои волосы немного отросли, как раз подстрижешься.

Шуай Чан обладал памятью Нань Юя и, конечно, знал, что именно так Му Чэнгуан уговорил его в прошлый раз. Однако он считал, что не будет, как Нань Юй, из-за неловкости позволять другим щипать брови и наносить маски.

Придя в Оливер, Шуай Чан пошёл стричься, а Му Чэнгуан, теребя свои золотистые волосы, спросил:

— Учитель Нань, посмотри, у меня корни не начали темнеть?

Шуай Чан раздвинул пряди — у самых корней пробивались новые чёрные волосы:

— Чёрные волосы смотрятся неплохо.

Если покрасился в светлый, нужно постоянно подкрашивать, иначе отросшие корни выглядят неряшливо. Шуай Чан знал, что краска для волос вредна, поэтому сказал это из заботы о здоровье Му Чэнгуана.

— Правда? — с сомнением спросил Му Чэнгуан. Он красил волосы с средней школы и уже забыл, как выглядят его натуральные чёрные волосы. Но раз Нань Юй сказал, что красиво, он решил попробовать.

В итоге Шуай Чан подстригся, а Му Чэнгуан перекрасил волосы в чёрный цвет. На покраску ушло полчаса. Пока Шуай Чан ждал его, косметолог всё нахваливала его внешность и кожу. Но даже хорошая кожа не выдержит воздействия солнца, поэтому она предложила ему косметический комплекс, который защитит его лицо от палящих лучей.

Косметолог была совсем молоденькой девушкой, она без умолку щебетала у него над ухом, и Шуай Чан подумал, что ей нелегко даётся эта работа... В итоге, под приглушённое хихиканье Му Чэнгуана, он сам лёг на косметологическую кушетку.

С маской на лице Шуай Чан чувствовал, что его мужское достоинство испарилось без следа. Какое ему дело до того, что девчонка работает, почему он не смог отказать?

Когда они вышли из салона, был уже второй час дня. Му Чэнгуан с аккуратной чёрной стрижкой перестал выглядеть жеманно, в нём появилась юношеская свежесть — действительно, так было лучше, чем раньше.

— С такой крутой причёской нужно и одежду подобрать соответствующую. Учитель Нань, как думаешь? — Му Чэнгуан покрасился в чёрный по совету Нань Юя, и в награду решил сводить его в торговый центр за покупками.

— Думаю, и правда пора сменить гардероб, — Шуай Чан всегда недолюбливал мешковатую одежду, в которой Му Чэнгуан следовал моде.

Они сошлись во мнениях. В торговом центре Му Чэнгуан, заботясь о самолюбии Нань Юя, не стал выбирать одежду за него, а начал с себя:

— Учитель Нань, как тебе этот вариант?

Му Чэнгуан приложил к себе цветастую рубашку. Шуай Чан покачал головой. Му Чэнгуан примерил другую, такую же пёструю, и с надеждой посмотрел на него. Шуай Чан снова

покачал головой.

— Учитель Нань, что тебе вообще нравится? — Му Чэнгуан был близок к отчаянию.

Шуай Чан взял с полки простую белую рубашку и протянул ему:

— Примерь вот эту.

Му Чэнгуан посмотрел на белую рубашку так, будто это антиквариат:

— Это совсем не модно, учитель Нань, выбери что-нибудь другое.

Шуай Чан протянул ему ещё одну, похожую. Му Чэнгуан надул губы, но пошёл в примерочную. Он не ожидал, что на нём она будет смотреться неплохо, и вышел к Шуай Чану сияющий.

Шуай Чан спросил:

— Поверил мне?

— Верю, верю! Учитель Нань, у тебя отличный вкус, я сейчас выгляжу очень круто? — Му Чэнгуан встал перед зеркалом, принимая эффектную позу.

— Круче всех в мире, — Шуай Чан не поскупился на похвалу.

Он попросил продавца срезать бирки с рубашки, а сам пошёл на кассу оплатить покупку. Он был статным, с красивыми чертами лица, в повседневной одежде выглядел особенно привлекательно и расслабленно, а его пальцы, державшие кредитку, выглядели изящно. Продащица, покраснев, пробила чек.

— Сэр, две рубашки: одна по обычной цене — восемьсот восемьдесят юаней со скидкой, вторая из новой коллекции — тысяча триста юаней, итого две тысячи сто восемьдесят юаней. Пожалуйста, вашу карту.

— Спасибо, — Шуай Чан принял карту, чувствуя, как сердце обливается кровью: две рубашки съели всю его месячную зарплату. Если он хочет содержать Му Чэнгуана, видимо, придётся вернуться к старым способам заработка.

Шуай Чан с пакетом в руках подошёл к Му Чэнгуану:

— Купили, пошли.

Му Чэнгуан удивлённо посмотрел на него:

— Что купили?

Шуай Чан указал на рубашку, которая была на нём, и на пакет:

— Две рубашки, теперь они твои.

— Учитель Нань, ты... — за свои двадцать с лишним лет Му Чэнгуан ещё никогда не был так взволнован, ему хотелось подпрыгнуть и обнять Нань Юя, не отпуская. Это первый раз, когда Нань Юй купил ему подарок! И сразу две вещи!

Видеть на себе полный любви и восторга взгляд Му Чэнгуана было, чего уж там, очень приятно.

Шуай Чан взял Му Чэнгуана за руку и повёл к выходу:

— Пойдём ещё погуляем, посмотрим, что ещё хочешь купить.

Продавцы вдали начали поглядывать в их сторону — они с Му Чэнгуаном выглядели слишком вызывающе, им лучше находиться в более уединённых местах, иначе они легко привлекут к себе всеобщее внимание.

Му Чэнгуан послушно шёл за ним, зачарованно глядя на привлекательный профиль Нань Юя. Когда тот неожиданно обернулся, Му Чэнгуан тут же утонул в мягком, как озеро, взгляде и почувствовал, как его оторвало от земли. Шуай Чан видел, что тот снова привстал на цыпочки, пытаясь прильнуть к нему:

— Смотри под ноги, не на меня. Дома дашь насмотреться.

Му Чэнгуан очнулся, прикусил губу и хихикнул:

— Понял, учитель Нань.

Сказав это, он обхватил руку Шуай Чана и повис на ней, ступая едва ли не по воздуху. Шуай Чан был крепким и сильным, но таскать по торговому центру Му Чэнгуана весом больше пятидесяти килограммов было всё же тяжело. Теперь он понял: Му Чэнгуану дай только повод — он тут же расцветёт, а эксплуатировать других ему ни капли не совестно.

— Если будешь так делать, мы сегодня не попадём на вечеринку, в конце концов, я даже бокал с вином не смогу поднять.

— Понял, понял, сейчас отпущу, — Му Чэнгуан неохотно разжал пальцы, но тут же снова прижался к нему, — в этот раз я иду сам, не буду виснуть на тебе.

Шуай Чан беспомощно посмотрел на него.

<http://bllate.org/book/22165/2308986>